

Люсьен вдыхал наполненный розовой дымкой воздух, руки и ноги его дрожали, в голове был ступор. Он оказался свидетелем драки между Корреей и Хаусоном, переросшей в драку между Корреей и гигантской крысой, а после снова ставшей дракой Корреи против Хаусона, словно иллюзия пересеклась с реальностью.

«Секундочку, иллюзии?»

При этой мысли у Люсьена возникла идея. Он сконцентрировался и постарался вспомнить ощущение присутствия духовной силы, то, как она разливается, словно течение. Вскоре картина перестала меняться, и туман расступился, всё снова стало ясно видно. Те, кто убивал друг друга, оказались Корреей и Хаусоном. Раны их истекали кровью, и ребята еле шевелились. Похоже, что они уже находились на грани между жизнью и смертью.

Это кровь мышей – галлюциноген, или же всему виной то странное растение? Такая ловкая магическая ловушка.

До Люсьена наконец дошло, что причиной и исчезновения Хаусона, и внезапного нападения Гари, были иллюзии. Должно быть, их действие началось тогда, когда они убили первую красноглазую мышь, а потом им уже невозможно было отличить реальность от иллюзии. Один только находившейся под защитой божественного щита Люсьен, имевший, к тому же, улучшенную духовную силу, смог развеять иллюзию.

«Священный удар», вырвавшийся из Священного Знака Истины, не просто уничтожил правую руку и плечо Гари, но и прошёл сквозь него, ударившись в потолок канализации. Сверху осыпались кусочки кирпичей, было похоже, что задняя комната вот-вот разрушится.

Камни и пыль рассыпались по округе, развевая кровавый туман, и Люсьен наконец-то почувствовал себя лучше.

Он понятия не имел ни о каких других магических ловушках, которые могли бы ему ещё повстречаться.

«Даже если временно я сейчас и в безопасности, расслабляться мне всё равно не стоит.»

Он быстро стал обдумывать выход.

Священный Знак Истины сегодня не мог больше активировать заклинания, кроме ещё двух «Светов». Люсьен уже потерял своё основное оружие, а тело его было частично парализовано каким-то веществом, содержащимся в тумане.

Внезапно, он увидел, как человекоподобное растение шатается от падающих камней.

«Без создания иллюзий оно не может защитить себя?» — Люсьен понял это, и, подавшись всем телом вперёд, направился в сторону растения.

Ноги его были очень слабы, поэтому, неспособный сейчас на полноценную ходьбу, Люсьен ковылял, пошатываясь. Несколько раз он спотыкался об острые осколки камней. Раны покрыли его тело, начав кровоточить.

— Шшш... — зашипел Люсьен сквозь боль. Боль временно придала ему сил и трезвости рассудка, и он наконец добрался до растения.

После всего перенесённого, Люсьен был уже не так безрассуден и нетороплив в своих

действиях, так что, не теряя времени, он задержал дыхание, осторожно, но уверенно вытянул руку вперёд, и схватил несчастное растение за стебель.

Сосуды растения запульсировали, и кровь потекла по ним с огромной скоростью. Люсьену почудилось, что он схватил не растение, а настоящее животное. Он дёрнул стебель так сильно, как только смог.

— Ах!

Странное растение внезапно втянуло листья и ветки, и издало полный боли крик, подобный крику умирающего человека.

Увидев, что стебель не ломается, Люсьен продолжил его тянуть. Не переставая кричать, растение потянуло к Люсьену свои ветви и листья, попробовав обвить его ими.

Ощущение влаги из растения на коже, вызывало у Люсьена отвращение, а бесчисленные шипы кололи его кожу и впивались в неё. Преодолевая страх и отвращение, Люсьен снова дёрнул за стебель.

— Ааа!..

Крик неожиданно прервался, и из разломанного стебля Люсьену на грудь полилась красная жидкость с запахом крови. Люсьену пришлось облокотиться на стену, чтобы не упасть.

Когда Люсьен разломал растение пополам, окружающий его красный туман стал плотнее и гуще, почти что превращаясь уже в жидкость.

Три слабо святащиеся книги, лежащие на соседнем столе, разрушились, как только туман коснулся их. Разрушение заняло всего две-три секунды, и книги, страница за страницей, исчезли без следа. Произошло это так быстро, что Люсьен не успел даже кинуть взгляд на их содержание.

Однако тело Люсьена было сейчас наполовину парализовано, и он даже пошевелиться толком не мог, что уж говорить о том, чтобы остановить разрушение книг.

Теперь стол опустел. Странно было то, что разрушение затронуло только книги, не коснувшись больше никакого участка стола. Вскоре Люсьен понял причину этого. Это была другая магическая ловушка – уничтожение активизировалось автоматически тогда, когда книги ощущали на себе кровавый туман, и колдовские записи уничтожались.

«Как же жаль этих записей! Они могли бы дать мне сверхъестественную силу!» — вздохнул про себя Люсьен.

Внезапно, Люсьен замер. Он увидел в своём сознании библиотеку, сверкающую таинственным светом.

Любопытства ради, Люсьен направил свой дух в библиотеку, и, к своему удивлению, обнаружил новую книжную полку, подписанную «Колдовство (Тайная Магия)». На полке находились три книги – те самые исчезнувшие колдовские записи.

«Выходит, библиотека может собирать и другие книги? Как же она тогда узнаёт их содержимое?» — Люсьен был поражён.

«Возможно, необходимым условием является то, что я должен увидеть его. Да, книги были уничтожены практически мгновенно, но если замедлить процесс, то можно заметить, что уничтожались они страница за страницей, поочерёдно. Значит, библиотека может записывать содержимое от корки до корки? Это объясняет то, почему мне доступны проекции этих книг. Невозможно изготовить такой материал с нуля.»

Такова была гипотеза Люсьена, но нужны были ещё эксперименты с другими книгами, чтобы подтвердить её.

Глядя на колдовские записи, Люсьен, только что так сожалевший об их утрате, ощутил неуверенность. В этом мире божественное искусство доминирует над магией, магов считают врагами общества, и даже сжигают на костре. Не слишком ли опасно ему будет изучать магию?

Люсьен пока не могу принять решение, и решил сейчас не думать об этом. Они всё ещё находились в задней комнате, опасность миновала не полностью, и Люсьену всё ещё нужно было беречь свою энергию.

Теперь, когда странного растения не стало, кровавый туман рассеялся, иллюзия спала с Корреи и Хаусона, и оба впали в шок, когда увидели друг друга. Однако осознание реальности пришло к ним слишком поздно – они уже были полумертвы.

.....

Когда Люсьен использовал свои духовные силы чтобы связаться со Священным Знаком Истины и активировать «Священный удар», Бенджамин, всё ещё находящийся на поверхности, что-то пробурчал, и с тревогой посмотрел на вход.

— Преподобный Бенджамин? – окликнул его Пол, заметив странное выражение на лице пастора.

Лицо Бенджамино приняло сердитое выражение, и он прошептал:

— Там что-то произошло, моя духовная печать была затронута. Чёрт, неужели они не смогли справиться с ученицей? Низость! Пол, жди здесь, если через пять минут я не вернусь, пойдёшь и найди епископа.

Хоть Знак и был обыкновенным и стандартным предметом для церкви, и сила его была во много раз меньше собственной духовной силы Бенджамина и других его божественных предметов, он бы всё равно не стал так легко отдавать его Люсьену. Наличие духовной печати на Священном Знаке было единственной причиной, почему он так спокойно доверил ему его. Но кто знал, что на печать будет произведено воздействие, и она не сможет остановить божественное заклинание от беспричинной активизации.

Небрежность и безрассудство часто сопровождаются гордостью и предрассудками.

Бенджамин же имел сильные предрассудки касательно рыцарей, использующих физическую силу, их он считал неуклюжими и недостойными. Он считал, что они – ничто по сравнению с благородными заклинателями, познавшими истины мира сего, он считал их ничем даже по сравнению со злыми колдунами. Поэтому он счёл сквайров недостойными того, чтобы использовать божественный предмет, и именно поэтому он отдал Святой Знак Истины Люсьену, духовные силы которого были выше, чем у обыкновенных людей.

Такое отношение у Бенджамина происходило из его воспитания, и из всех его предыдущих опытов.

Семья Лафайет являлась одним из сильнейших кланов в Великом Княжестве Варолит. И хоть наследники рода и уповали на силу «Божественной Благосклонности» в своей крови, но, в отличие от рыцарей, они были настоящими заклинателями, использующими волшебную силу и заклинания. Бенджамин, являясь одним из наследников Лафайетов, хоть и не смог пробудить в себе «Божественную Благосклонность», сумел проявить таланты к волшебству, когда поступил в Аббатство в раннем возрасте. Это помогло ему успешно стать старшим учеником, а позже – священником, что открыло ему дорогу к развитию себя как заклинателя.

И теперь он понимал, что если он провалит такое лёгкое для формального священника задание, то это сильно повлияет на его карьеру внутри церкви, поэтому Бенджамин быстро отправился вниз.

Пол тоже был изрядно удивлён:

— Откуда могли взяться другие изменения, ведь у них есть Священный Знак Истины? Или там тоже находится формальный волшебник?

.....

Люсьен немного восстановил силы, и, держась за стену, попробовал выйти из задней комнаты, но вдруг услышал раздающиеся из канализации шаги. Внимание его мгновенно заострилось.

«Если это ещё какие-то магические создания ведьмы, или же кто-то из её приятелей, то шансов сбежать у меня, похоже, не будет.»

Как только Люсьен увидел белоснежную робу Бенджамина, от сердца у него немного отлегло, однако, он не стал терять бдительность.

«Секретная комната – идеальное место для убийцы, чтобы избавиться от свидетеля.»

— Лапландское кровавое вино? – Бенджамин окинул взглядом комнату. Благодаря знаниям волшебства и гербологии, он моментально оценил ситуацию, и понял, что с ними со всеми произошло – и с Люсьеном, который не мог пошевелиться, и с Гари, который был уже полумёртв, и с остальными, — Повезло, что они ещё живы.

«Не зря говорят, что новичкам везёт – мальчишке повезло неслабо. Его духовные силы возросли до уровня Ученика Священника Низшего Порядка. Видимо, прикосновение к моей духовной печати я ощутил тогда, когда он пересёк лимит. К сожалению, времена сейчас уже не те, что триста лет назад, когда церковь имела неоспоримое преимущество. В ту эру для изучения божественных искусств необходим был один лишь только талант. А сейчас без систематических знаний и обучения с ранних лет священником не станешь – и ведь намного более сильным, чем раньше. Надо отметить, что золотая эра – и для колдовства, и для божественных искусств, за последнее столетие началась благодаря Мистическому Императору.»

Будучи Лафайетом, Бенджамин знал о мирских связях гораздо больше других священников. К тому же он, на самом деле, был не так уж и привязан к собственной религии. Более того, Бенджамин в среде аристократов и Бенджамин в церкви, имели совершенно разные точки зрения.

Немало важно и то, что сто лет назад согласно Верховной Теологической Конференции, церковь разделилась на Северную Церковь и Южную Церковь, объявив доктрины друг друга ересью. Тем не менее, ни одна из сторон по-прежнему не могла свободно получать свои божественные силы без каких-либо ограничений. Непосредственно это и заставило многих епископов и кардиналов в тайне поставить существование Бога под сомнение.

Этот настрой значительно повлиял на всех молодых священников на протяжении последующих нескольких столетий, включая и Бенджамина.

Так же, дабы идти в ногу с быстро развивающейся эрой, попы переняли знания у главных своих врагов – у Великих Мистиков, чтобы улучшить базу своей теологии. Это спровоцировало быстрое развитие божественных искусств, и появление множества былинных героев. Ими были те, кто позволял Южной Церкви отстаивать себя как сильнейшую силу, защищал её позицию среди ереси, тёмных созданий, злых магов и других могущественных врагов. Однако, это ослабило веру последователей ещё сильнее.

Бенджамин выглядел уверено, серебряные пески стекали с его ладоней, он произносил таинственные заклинания, и, внезапно, кровавые туманы рассеялись.

Потом, не используя никакие материалы или реагенты, не произнося никаких заклинаний, Бенджамин указал пальцем на Гари, и на его тело упал белый луч света. Этот свет излечил раны Гари, и избавил его от обугленных участков кожи. В одно мгновение из практически безнадежного и обречённого на смерть человека Гари превратился в обыкновенного тяжело раненного.

Несколько мгновений спустя, Бенджамин так же спас Корреу и Хаусона, и излечил раны Люсьена.

Узнав о том, с какими опасностями столкнулись Люсьен и компания, Бенджамин окинул взглядом стол, убедившись, что они говорят правду.

— Перенесите всё, что есть в этой комнате, в церковь. И, эмм... Этих мёртвых мышей – тоже, – приказал он.

В то же самое время, он взял Священный Знак Истины, который Люсьен ему вернул, и сказал:

— Теперь ты очищен от греха, ты можешь идти домой, да благослови тебя Господь.

Если бы Люсьен преуспел в этот раз, то возможно, Бенджамин бы подумал о том, чтобы наградить его, или даже попробовать взять его в ученики. Однако, теперь, Бенджамин быстро отправил его домой, убедившись, что он ничего не скрывает. В отличие от Корреи и Хаусона, Гари всё ещё был в опасности – «Отраживание конечностей» было не тем заклинанием, которое Бенджамин был в состоянии выучить.

Увидев, что Бенджамин не предпринимает попыток заткнуть его или убить, Люсьен был рад и счастлив поскорее убраться восвояси. Он быстро покинул заднюю комнату, и, выйдя в канализацию, использовал свои духовные силы для улучшения слуха, что позволило ему услышать, как Корреа прошептал Хаусону:

— Боюсь я, что Гари больше не сможет работать стражником. И рыцарем без правой руки ему не стать.

Услышав это, Люсьен загрустил.

В смятении, Люсьен покинул канализацию. Бедняки окружили его и накинулись с вопросами.

— Маленький Эванс, ты справился с призраком? – спросила издали тётя Алиса.

Люсьен кивнул.

— Да, оно уже изгнано благодаря преподобному духовенству и его стражникам.

На лицах в толпе отобразилось облегчение, и они стали радостно расспрашивать:

— Люсьен, как выглядело приведение? Оно было страшное?

— Не удивительно, что пастор Бенджамин – формальный священник.

— Люсьен использовал Священный Знак Истины – должно быть, теперь он получит божественную благосклонность.

— К сожалению, он уже не маленький ребёнок, а был бы помладше – мог бы получить возможность обучаться в Аббатстве. Если бы «Преподобный Люсьен Эванс» вышел из нашего Адеранского Квартала – это была бы такая честь для нас.

Услышав эту дискуссию, Люсьен немного впал в ступор:

«Мне никогда не стать священником?»

Как у путешественника из «современной эры», Люсьена ранее особо не посещали мысли о том, чтобы становиться священником. Однако теперь, почувствовав сверхъестественную силу божественных искусств, Люсьен ощутил расстройство по этому поводу.

— Бедный маленький Эванс, да на тебе же лица нет! Должно быть, ты очень устал, иди домой, отдохни, – сказала тётя Алиса, быстро заметив беспокойство на лице Люсьена.

Люсьену многое нужно было переварить, и он сейчас действительно нуждался в тишине. Он ответил ей кивком, и отправился в свой маленький домик. Сидя на кровати, он слушал, как ушли Бенджамин и стражники, как разошлась толпа, и, наконец, в ночи снова воцарилась тишина. И снова он заставил себя подавить в своём сердце тоску по дому.

«Шанса стать священником у меня уже нет, и, похоже, без тренировки с ранних лет, силу в крови тоже не пробудешь, и рыцарем не станешь. Боюсь, что для получения сверхсил, единственный оставшийся путь – изучение магии. Однако, если я выберу магию, то окажусь врагом в глазах церкви и простых людей, даже таких, как тётя Алиса. Может быть, есть ещё какие-то варианты? Так или иначе, колдовские записи уже у меня в голове, так что можно хотя бы посмотреть на них. Действительно, почему бы и нет.»

Люсьен, помедлив некоторое время, всё-таки решил сначала хотя бы глянуть на колдовские книги. Он вошёл в свою духовную библиотеку и открыл записи.

После длительной паузы, Люсьен произнёс кое-что смешное и неприятное одновременно:

— Я забыл. Я же не умею читать...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/4991/116758>